

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2012

Люди и заводные игрушки

Занимательная история произошла в первый год эры Тэмпо, в провинции Овари. Во время обеда в замке Нагоя отравился слуга-дегустатор. Яд подействовал быстро, юноша умер за несколько мгновений до того, как хозяин замка притронулся к еде. Расследование установило, что на замковую кухню поступили моллюски с южного побережья. Они были собраны в неправильный сезон и вырабатывали смертельно опасный токсин. Повара простили, но вина старшего интенданта была неоспорима — ему приказали совершить сэппуку.

Приговор был приведен в исполнение следующим утром. Старший интендант, которого звали Кацумото Сейбэй, не посрамил своих предков: он провел ритуал без ошибок и уберег родных от преследований и бесчестия. На казни присутствовали все мужчины клана, даже младший сын интенданта по имени Ёдзи, до совершеннолетия которого оставалась неделя. Вечером у мальчика начался жар, и его положили в отдельной комнате. Никто из старших родственников не спешил бежать за лекарствами или советоваться с врачом, потому что в суматохе, которая последовала за казнью главы клана, о больном ребенке попросту забыли.

В усадьбе Кацумото царил беспорядок, во время обыска следователи из замка Нагоя даже простучали пол и нашли тайник. Оттуда они извлекли несколько деревянных шкатулок со старыми вещами и безжалостно их распотрошили, но не сумели найти ничего подозрительного. Теперь эти реликвии были беспорядочно разбросаны по комнате. Среди старых письменных принадлежностей, лоскутов тканей и других забытых вещей выделялась кукла-каракури. Эти чудесные игрушки очень любил прадед

старшего интенданта, известный изобретатель и ценитель диковинок Кацумото Хисасигэ. Куклы-каракури представляли собой искусно вырезанные из дерева фигурки людей, ростом не выше обезьянки. Благодаря спрятанному у них внутри заводному механизму, игрушки могли выполнять простые действия — стрелять из детского лука, бить в барабаны или даже подносить гостям чай. Небольшая фигурка, брошенная следователями, была изготовлена с большим мастерством и изображала молодого самурая с подвижными ручками и ножками. Кукла была облачена в голубую накидку-хаори, украшенную белыми зубчиками на рукавах. Мастер, создавший игрушку, не забыл даже такие детали, как завязки на крошечных сандаликах и красный узелок на ножнах с мечом.

Слуга, убирая дом после учиненного следователями беспорядка, подобрал изящную игрушку и вспомнил о маленьком Ёдзи. Он поставил кукольного самурая рядом с постелью больного в надежде на то, что это порадует ребенка, когда он придет в себя.

Нестерпимо длинный день не спешил заканчиваться. Для людей, живущих в усадьбе Кацумото, время точно растянулось, чтобы они могли полнее прочувствовать глубину случившейся с ними трагедии. Оставшись без кормильца и потеряв расположение князя, клан неизбежно обеднеет. Чтобы поддерживать видимость благополучия, семья станет занимать деньги, однажды кредиторы потребуют погасить все долговые расписки, и дом, принадлежавший Кацумото три сотни лет, перейдет в чужие руки. Скорее всего, усадьбу перестроят в гостиницу — близость горячих источников и прекрасный сад привлекут сюда много постояльцев... Таким печальным мыслям предавались мужчины клана, пока их младший брат метался в бреду на влажном футоне и сухими губами шептал что-то неразборчивое.

Наконец наступила ночь. Небо заволокли тучи, сквозь которые то и дело проглядывал диск полной луны. Закончился час кабана, большие напольные часы неспешно начали отбивать полночь. Когда глухой звон последнего из девяти ударов разнесся по спящему дому, серебристый луч лунного света прорезал темноту и коснулся фигурки самурая. Стоило холодному свету отразиться от поверхности металлического диска, расположенного на груди куклы, как она ожила. Каракури, чуть подрагивая, повернул и склонил голову, ощупал рукоять своего меча. Его движения не были плавными, как у существа из плоти, но все-таки были преисполнены хрупкой грации, недоступной грубым заводным игрушкам.

Маленький самурай огляделся, увидел лежащего возле него человека и приблизился к нему. Кацумото Ёдзи беспокойно спал, грудь мальчика тяжело вздымалась под покрывалом, лицо блестело от испарины, а из приоткрытого рта со свистом вырывалось обжигающее дыхание.

— Ты должен помочь мне, — прошептал заводной самурай.

Он обнажил крошечный меч и окунул его в чашку с лекарством, после чего трижды быстро взмахнул игрушечным оружием над лицом спящего ребенка. Брызги слетели с лезвия и упали на лицо Ёдзи, ребенок вздрогнул и открыл глаза.

— Просыпайся, — поторопил его каракури.

Ёдзи приподнялся на футоне и потер кулаками глаза. У него сильно болела голова и сдавливало в груди. Когда мальчик, наконец, смог сфокусировать взгляд, оказалось, что он смотрит прямо в черные глаза-пуговицы. Деревянная игрушка была неподвижна, за исключением медленно вращающегося в центре ее груди металлического диска.

— Ты меня понимаешь? — губы каракури не шевелились, но Ёдзи отчетливо слышал приятный, мужественный голос.

— Да, — мальчик осторожно кивнул, — кто ты?

— Мое имя Кацумото Каору.

— Кацумото? — переспросил Ёдзи. — Мы родичи?

Как и все дети самураев, маленький Ёдзи знал имена всех мужчин своего рода и своих славных предков, но имени Каору не было в родословной клана.

— От рождения я носил другую фамилию, — признал каракури, — но твой предок, который некогда был хозяином этого дома, усыновил меня. Поэтому ты должен помочь мне!

Ёдзи замотал головой и сильно потер лицо руками. Происходящее напоминало странный сон: он знал о существовании каракури, которые умели издавать звуки, но ни одна игрушка не могла отвечать на вопросы или тем более просить о чем-то.

— Как я могу тебе помочь? — спросил мальчик, когда убедился, что не спит.

— Я должен остановить механического сегуна, — с жаром заговорил каракури, назвавшийся именем Каору. — Иначе мои друзья навсегда останутся его рабами. Мы должны торопиться, у меня мало времени...

Он схватил Ёдзи за край одежды и потянул, но мальчик не торопился соглашаться.

— Сначала объясни мне, что за механический сегун и почему я должен помочь тебе его уничтожить?

Единственным известным Ёдзи сегуном был Токугава Иэёси, но тот жил во дворце в далеком городе Эдо, откуда по приказу Императора правил страной. Мальчик не мог себе представить, почему тот стал механическим и как он мог быть связан с ожившими игрушками.

— У меня очень мало времени, — повторил Каору. — Видишь этот циферблат?

Он указал на блестящий диск, установленный на его груди, между лапами синей накидки. Диск был разделен на дюжину равных делений, каждое из которых несло на себе изображение животного из китайского гороскопа. В центре диска была закреплена стрелка, кончик которой сейчас указывал на изображение крысы. Циферблат вибрировал, переливался в лунном свете и медленно, но заметно вращался.

— Когда игла укажет на кролика — мой механизм остановится, и я буду навеки заточен в этой деревяшке, как и все мои товарищи, — с горечью проговорил каракури. — А мое время... моя душа никогда не сможет возродиться. Остальное я расскажу тебе по дороге.

— По дороге куда? — Ёдзи понадеялся, что ночной гость не собирается немедленно доставить его в столицу сегуната.

— В забытую столицу, — Каору будто прочитал его мысли. — Прощу тебя, ради памяти твоего предка Хиросигэ — помоги мне. Это касается и чести твоего... нашего клана!

Слова о чести семьи задели Ёдзи. Он был мужчиной, будущим самураем. Через несколько дней он должен был пройти обряд совершеннолетия, чтобы доказать свою храбрость и решимость стать воином. Безлунной ночью юноши отправятся на место казни, не испугавшись обитающих там мстительных духов, и каждый из них оставит условленный знак возле выставленных на всеобщее обозрение отрубленных голов преступников. Еще недавно предстоящий обряд наполнял сердце Ёдзи восторгом и нетерпением, но теперь он хотел как можно дальше оттянуть неизбежное — ведь ему так же придется увидеть насаженную на пику голову отца. Кацумото Сейбэй не посрамил честь

рода и вспорол себе живот как того требовал жестокий обычай, но после смерти его все равно приравнивали к простому преступнику...

Мальчик отвернулся, понадеявшись, что каракури не заметит выступившие слезы.

— Я помогу тебе, — кивнул Ёдзи и поднялся.

Вопреки ожиданиям, он не ощутил болезненной слабости, а, напротив, почувствовал себя совершенно здоровым и бодрым.

— Следуй за мной, — поторопил Каору.

Даже не дав Ёдзи переодеться или взять оружие, кукольный самурай повел его прочь из комнаты. Мальчик решил, что раз механический сегун тоже каракури — сломать его не представит труда и голыми руками. Надо только поднять повыше и со всей силы швырнуть, чтобы шестеренки и пружины со звоном брызнули во все стороны.

Похоже, Каору действительно когда-то жил в доме Кацумото — он прекрасно знал устройство усадьбы и двигался уверенно и быстро, бодро щелкая деревянными сандалиями и не заботясь о том, что этот стук и скрип шестеренок, доносящийся из груди каракури, может разбудить спящих хозяев. Ёдзи шел следом, шлепая босыми ногами по скрипящему дощатому полу. Затянутая в синий шелк спина маячила впереди и приближалась, но мальчик никак не мог нагнать своего проводника. Когда они вошли в комнату, где стояли домашние часы, Ёдзи наконец-то понял, что по дороге он становился все меньше и меньше, и теперь был одного роста с ожившей куклой. Младший из клана Кацумото удивленно озирался по сторонам, оглядывая огромное, теряющееся во мраке помещение знакомой с детства комнаты и исполинские часы, стоящие у стены.

— Ничему не удивляйся, — посоветовал Каору и приблизился к часам.

Старинный, громоздкий механизм по праву считался гордостью хозяев дома. Календарь и деление суток на часы попали на родину Солнца из соседнего Китая, вместе с иероглифами, тушью, шелком и учением о трех добродетелях. Однако сам механизм для измерения времени почти триста лет назад привезли торговцы с Запада. С тех пор грубое и неточное варварское изделие было улучшено и приспособлено к божественному календарю. Стоящий в доме Кацумото прибор был выполнен в строгом соответствии с канонами: прямоугольный вытянутый корпус, резные позолоченные ножки, а над крышкой, как плоды на ветвях волшебного дерева, висели колокола-куранты. Время показывал диск с делениями — намного больше того, что украшал грудь Каору. Шесть рассветных и шесть закатных часов... стрелка указывала на голову крысы. Единственным, что отличало домашние часы Кацумото от собратьев, был размер — их высота достигала половины человеческого роста.

— Как ты меня уменьшил? — спросил Ёдзи. — Я стану прежним?

— Как только вернешься из забытой столицы, — пообещал Каору. Он возился с маленьким замочком, который удерживал дверцу часов. — Я боялся, что все заржавело, но, к счастью, кто-то не забывал смазывать... Всё, отойди.

Они отступили, и дверца часов с тихим скрипом отворилась, показывая блестящий, в идеальном состоянии механизм. Под острыми зубцами шестеренок зиял черный провал шахты, над которым висел подъемник, удерживаемый двумя металлическими шнурами. Ёдзи понял, что необычная высота часов служит как раз для того, чтобы оставить место для подъемника.

— Садись, — пригласил Каору и занял место на платформе.

Дождавшись Ёдзи, он дернул за латунный рычаг, и платформа короткими рывками стала опускаться в шахту. Поначалу было

непроглядно темно, но вскоре из мрака выплыли установленные в стенах светильники. В них плясали синие язычки пламени. Такие светильники Ёдзи раньше видел только в газовых фонарях замка Нагоя, купленных у иностранцев.

— Ты обещал мне закончить рассказ, — жалобно напомнил мальчик.

— Мы спускаемся в забытую столицу, — сказал Каору, — это подземный город, который построили под усадьбой твоего прадеда, в шахтах, где добывали киноварь. Ты знаешь, что здесь есть горячие источники?

Мальчик кивнул.

— Киноварь залегает близко к теплу. Говорят, это сброшенная чешуя подземного огнедышащего дракона. Геоманты и даосы считают, что бессмертие дракона можно получить с помощью свинца и киновари. Их учением увлекался Токугава Мунэхару, механический сегун. Тогда он был седьмым князем провинции Овари.

Ёдзи наконец-то услышал знакомое имя. Князя Овари владели замком Нагоя, где на днях случилось злосчастное отравление. Ёдзи помнил, что седьмой князь был в постоянной вражде с тогдашним сегуном, обменивался с ним резкими письмами и оскорблениями, постоянно попадая в немилость. В конце концов, он пережил своего заклятого врага и умер уважаемым человеком. Мальчик не мог себе даже представить, как Муэхару мог стать загадочным механическим сегуном.

— Посмотри, — Каору указал на стену шахты.

Там, рисунком из теней и голубого света, проступали картины. Это были барельефы, искусно вырезанные в твердом камне. Первый изображал плотного пожилого господина, который в развязной позе устроился на циновке. Рядом с ним сидели двое мужчин в диковинных

просторных одеждах. По их напряженным лицам и сгорбленным спинам было понятно, что они не привыкли подолгу сидеть, поджимая ноги. Перед мужчинами на небольшой, богато украшенной цветами сцене выступали каракури.

— Это даосы, китайские маги, которым Мунэхару заплатил, чтобы те нашли способ продлить его молодость, — шепотом сказал самурай. — Я хорошо помню их разговор в тот день, потому что я был начальником охраны в замке Нагоя и всегда находился рядом с князем. Князь любил заводные игрушки, которые для него делал ваш предок.

— Как видите, — сказал тогда Мунэхару своим гостям, — у нас, на Стрекозых островах, тоже немало чудес.

— Это просто детские игрушки, — ответил ему китаец-даос. — Забавляясь с механизмами, вам бессмертия не обрести.

— Я то же сказал мастеру Хисасигэ, который делает для меня эти диковинки, — согласился князь. — Так вот он ответил: «вы можете прожить тысячу лет, но если никто не узнает о вас, Если я сделаю каракури в вашу честь — вас будут помнить до скончания веков».

— Вы можете прожить тысячу лет и стать императором, — заметил китаец.

— Я стану сегуном, — Мунэхару засмеялся. — В нашей стране лишь сын Солнца может быть императором».

Платформа с Каору и Ёдзи продолжала движение. Следующий барельеф изображал Мунэхару и приезжих магов возле глубокого котлована, в котором трудились землекопы. Рабочими руководил человек, в котором Ёдзи без труда узнал Каору. Деревянная маска каракури идеально передавала мягкий овал и правильные черты его лица.

— Чтобы получить ртуть, которая нужна для пилюль вечной молодости, князь приказал начать выработку киновари возле усадьбы

вашего предка, кукольника Хисасигэ, — Каору продолжил рассказ, — китайцы рассказали ему о свойствах чешуи дракона, и Мунэхару вспомнил о горячих источниках в усадьбе Кацумото. Когда землекопы извлекли из земных недр первый осколок киновари, Мунэхару повертел его в руках и недоверчиво спросил:

— Этот красный камень можно превратить в ртуть?..

— Положите его в глиняный сосуд и нагрейте. Пары, скопившиеся на крышке, образуют ртуть, — объяснил ему даос. — Еще один способ: использовать для сбора паров листья и кору молодых деревьев...

— Не кормите меня премудростями, — отмахнулся тогда князь. — Мне нужен только результат.

— Ртуть — божественное, легкое вещество, овеществленная энергия воздуха. Смешанная со свинцом в правильных пропорциях, ртуть подарит вам вечную жизнь.

Канаты поскрипывали, огни ламп плясали в темноте.

— Пилюли подействовали. Мунэхару пережил своего врага-сегуна и щедро заплатил магам. Но он злоупотреблял снадобьем, и ртуть превратилась из лекарства в яд. Слуги в замке потеряли покой из-за его постоянных стонов, жалоб и упреков. Всех, кто совершал малейшую оплошность Мунэхару строго наказывал. Начались жестокие казни... А перед смертью князь приказал нам, своим вассалам, совершить сэшкуку,

— бесстрастное белое лицо куклы не могло передать ярость, охватившую Каору, — это была бесчестная просьба, но мы были самураями. Никто не отказался! Мы чувствовали себя сорока семью ронинами, а нам была уготована участь марионеток и рабов. Восемь дней спустя после смерти мы все проснулись — в холодных кукольных телах! Оказалось, что князь казнил своих слуг, чтобы с помощью гнусного обряда заключить их души в каракури и создать себе подданных.

Каору стиснул рукоять меча.

— Мунэхару объявил, что мы отныне и навеки его слуги, а сам он — механический сегун. Титул, который он не смог получить при жизни должен был стать его посмертной наградой. Тело каракури не знает плотских удовольствий, поэтому душе остается честь или тщеславие. Часть несчастных согласилась служить ему в обмен на эликсир вечной жизни, но я и мои друзья подняли восстание, и он приказал уничтожить нас. Я сумел сбежать, чтобы рассказать мастеру Хисасигэ о забытой столице. Я смог подняться из шахты, но стояла поздняя ночь, все двери в усадьбе были закрыты. В моем механизме оставалось ртути только на два часа, поэтому я решил заснуть до утра. Но ошибся и очнулся уже взаперти. Сколько времени прошло с того дня?

Ёдзи не решился сказать, что со дня смерти седьмого князя Овари прошло уже больше ста лет.

— Много, — мальчик решил притвориться, что не знает историю.

— Я догадывался, — заводной самурай кивнул, — мои товарищи! Как долго вы ждали освобождения!

Наконец платформа остановилась, достигнув дна шахты. Каору и Ёдзи вышли из подъемника на твердую землю. Тишину подземелья нарушало только звук мерного капанья воды. Из помещения, куда опустилась подъемник, вел только один узкий коридор, освещенный синими огнями. Когда спутники вошли в него, Ёдзи почувствовал, как ледяной ужас овладевает им. Пол был завален каракури. Деревянные тела лежали в неестественных позах, с безвольно растопыренными конечностями, приподнятыми или свернутыми головами. Из некоторых кукол торчали блестящие ртутью порванные пружины.

— «И живы ль они иль погибли, — в их семьях об этом никто не услышит, никто не узнает, — продекламировал Каору слова древней

песни, — в недрах души безысходно горя, только и видят во сне, что своих». Это мои товарищи, восставшие против сегуна. Они погибли, чтобы я смог добраться до подъемника.

— Они умерли?

— Не совсем, — самурай мотнул головой. — Они не живы, но и не могут возродиться. Их время, их карма стали частью механического сегуна.

Ёдзи приходилось видеть смерть людей от болезней или меча, но переломанные изящные кукольные тела, в глазах которых по-прежнему ему мерещилось биение жизни, вселили в его сердце ужас.

— Я помогу тебе победить сегуна, — горячо пообещал мальчик, — непременно помогу! То, что он делает — непростительно.

— Спасибо. Я знал, что могу положиться на мужчину из клана Кацумото. Твой предок Хигасигэ гордился бы тобой.

Ёдзи осмотрел тела и нашел у одного из павших воинов короткий меч по своей руке. Вооружившись, он тотчас почувствовал себя увереннее.

— Нам не победить всю армию Мунэхару, — напомнил Каору. — Главное — испортить часовой механизм.

Миновав жуткое кладбище каракури, друзья вышли к большой медной двери, украшенной богатым узором, в котором сплелись обезьяны, кролики, крысы, змеи и другие животные.

— Приложи свою руку к двери, — попросил Каору. — Должно быть, кто-то из моих товарищей успел закрыть ее. Только живой человек может открыть ее.

Ёдзи послушался и приложил руку к холодному металлу. Дверь вздрогнула под его ладонью и отворилась. Мальчик уже не думал, что этой ночью что-то еще сможет его удивить, но панорама забытой столицы

была по-настоящему невероятным зрелищем. Город располагался в рукотворной пещере. По следам и выбоинам на стенах Ёдзи догадался, что раньше здесь был забой, где добывали киноварь. В нем вряд ли могли работать одновременно больше десятка шахтеров, но для каракури пещера была гигантской, и они умело воспользовались ею при строительстве своего города. Маленькие домики с деревянными крышами стояли ровными рядами вдоль широких проспектов, точь-в-точь как в настоящей столице. Над ними, на небольшом возвышении, располагался дворец механического сегуна, обнесенный высокой стеной. А позади него...

— Я говорил тебе про горячий источник, — напомнил Каору.

Стена пещеры, под которой располагался дворец, представляла собой остатки выработки. Красные жилы киновари неприятно напоминали застывшую кровь, а между ними, как из зияющей раны, била вода, окруженная облаком горячего пара. Низвергающийся поток вращал колеса водяных мельниц и обрушивался в запруду в каменной чаше, слив из которой закрывала дамба. Рядом с дамбой стояли здания кузни и плавильни, где обжигали киноварь, их крыши венчали высокие трубы, выводящие дым из пещеры. От кузницы и плавильни к дворцу тянулись похожие на змей трубы.

— Мне нужно будет остановить колесо? — Ёдзи с сомнением посмотрел на свой короткий клинок.

— Нет. Надо разрушить сердце часов. Тогда сегун умрет окончательно. В любом механизме есть маятник, который порождает движение. Если уничтожить его — остановится вся машина.

Пока они шли по улицам столицы к дворцу, Ёдзи смог рассмотреть, чем жили населяющие город каракури. Механический сегунат был точной копией настоящего, пожалуй, он даже точнее и четче следовал строгим законам, которые определяли порядок жизни в Империи. Дома и

проспекты были чистыми и опрятными, всюду царил идеальный порядок и спокойствие: по улицам неторопливо прогуливались стражники, сквозь раздвинутые перегородки было видно, как в домах хозяйки переставляют с места на место пустую посуду, ремесленники мастерят никому не нужные фонари и клетки для сверчков и светлячков, а самураи водят сухими кисточками по бумаге. Печальнее всего выглядел труд крестьян: они без толку колотили камень мотыгами.

Иллюзия жизни... мир, где не осталось ничего, кроме обычаев и традиций, где распорядок жизни неизменен каждый день, хотя давно потерял всякий смысл. Рукотворный мир... Неужели можно согласиться на такое бессмертие?

— Они не понимают, — шепнул Каору. — Они играют слишком давно и верят, что в пустых тарелках есть еда, что в клетках поют сверчки, что на камне прорастут саженцы. За столько лет они забыли, что такое любовь, радость или гнев. Я и сам с трудом помню, только поэзия помогает мне.

— «И как птицы те, поет одинокая любовь, — пропел он, — в час дневной — за днями дни, в час ночной — за ночью ночь!».

Никто из прохожих не обращал на товарищей никакого внимания. Жители столицы разучились замечать то, что не вписывалось в их идеальный распорядок. Наконец, жуткий кукольный город остался позади, и они начали подниматься по лестнице, ведущей во дворец.

— Вход охраняют двое стражников, — предупредил Каору, — я легко с ними справлюсь, но потом придется сражаться со всей гвардией сегуна. Не помогай мне, скорее беги в главный зал и уничтожь сердце часов. Только не медли!

— Я тотчас вернусь за тобой, — пообещал Ёдзи.

— Не нужно. Как только механизм будет уничтожен и сегун погибнет — все каракури будут уничтожены.

— Ты тоже погибнешь? — ужаснулся мальчик. Он не хотел, чтобы грустный маленький самурай в синей накидке исчез навсегда. За время их короткого знакомства он проникся к Каору симпатией.

— «Как бабочки, кружат опавших цветов лепестки в свободном полете», — самурай указал на оставшийся позади город. — Ты видел, что за бессмертие дарует сегун.

Ёдзи не нашел что возразить. Последние ступеньки дались ему с трудом, ладонь лежащая на рукояти меча сильно вспотела. До этой ночи Ёдзи сражался только бамбуковым оружием — свой первый клинок он должен был получить после совершеннолетия.

Каору не ошибся, вход во дворец охраняли двое стражников, облаченных в кимоно с цветами мальвы на рукавах. Завидев пришельцев, стражи тотчас двинулись им навстречу.

— Приготовься! — предупредил Каору.

Дав противнику приблизиться на расстояние удара, заводной самурай рванул свой меч из ножен и сделал короткий резкий выпад. Одним взмахом он перебил копьё стражника, другим сбил его с ног. Ёдзи тоже попробовал сломать оружие противника, но ударил неудачно и едва не выронил меч. От свистящего наконечника копья его спас только вовремя подоспевший Каору.

— Поторапливайся! — крикнул молодой бунтарь, когда стражник со стуком повалился на ступени с перерезанным горлом.

Товарищи вбежали во дворец, миновали длинную галерею и оказались в центральном зале. Ёдзи увидел сердце часов. Это была небольшая позолоченная шестеренка с острыми зубчиками. Над ней была установлена тонкая труба, на конце которой набухала переливающаяся

капля ртути. Отяжелев, она срывалась и ударяла о шестеренку, которая, вращаясь, била по маятнику. Движение и жизнь продолжались.

— Скорее, — поторопил Каору, — разруби трубку!

Мальчик огляделся. Стражников не было видно, во дворце было тихо, никто не догадывался о вторжении. Скорее всего, прислуживающие сегуну каракури были подвержены тому же оцепенению, которое владело забытой столицей.

— Чего ты ждешь? — требовательно спросил Каору.

— Почему ты сам не хочешь сломать его? — Ёдзи подозрительно прищурился.

— Я... — Каору отступил на шаг назад, не желая смотреть на капающую ртуть. — Я просто не могу. Помоги, ты же обещал.

— Почему не можешь?

— Потому что он боится, что не совладает с искушением, — прогремел под сводами дворца властный голос. — Боится, что предпочтет вечную жизнь.

Каору с проклятьями бросился к сердцу часов, занося меч для удара, но опоздал. Вынырнувшие из темных ниш стражники окружили его, взяли в кольцо, выставив длинные копья. Заводной самурай пытался прорваться, но его оттеснили назад к замершему от испуга Ёдзи.

— Он ждал меня! — голос Каору задрожал от отчаяния.

Группа слуг внесла в зал паланкин с открытым верхом, в котором восседал массивный каракури. Механический сегун был точной копией мужчины с барельефов. Он был похож на большую круглую бочку, обмотанную нарядной одеждой.

— Почему Каору сам не уничтожил сердце часов? — прогудел сегун. — Он боится. Боится смерти. Боится встретиться с товарищами, которых погубил. Он привел тебя сюда не для того, чтобы уничтожить

меня. Ему нужен воздушный элемент, без которого механизм в его груди остановится. Только подлинный Кацумото может открыть дверь в забытую столицу.

— Он лжет! — крикнул Каору. — Не слушай!

— Молчать!

Слуги сегуната навалились на маленького самурая и вжали его в пол с такой силой, что Ёдзи ожидал услышать треск сломанных ног. Но его товарищ после недолгой борьбы все-таки опустился на колени — он мог, но просто разучился это делать.

— Мой недостойный сын использовал тебя, Кацумото, — сказал сегун, обращаясь к Ёдзи. — Он рассказал тебе, почему покинул забытую столицу? Его товарищи погибли, вовсе не восстав против своего законного правителя. Они защищали меня и преследовали изменника. Токугава Каору хотел убить меня, чтобы занять мое место. Он сказал тебе, что я присвоил титул сегуна незаконно? Ложь, после смерти моего вероломного брата, я законный правитель Японии: неважно — механической или настоящей.

Ёдзи посмотрел на своего друга. Каору потерял всякую волю к сопротивлению.

— В знак благодарности перед твоим великим предком, создавшим забытую столицу, я пощажу тебя, — продолжил механический сегун, — ты получишь провожатых, которые отведут тебя назад в мир смертных. Или, если пожелаешь, ты можешь остаться среди нас и стать частью идеального мира.

Мальчик содрогнулся, представив себя мастерящим клетки для несуществующих сверчков.

— Что мне делать с этим изменником? — Мунэхару обратился к своим советникам.

— Он преступил закон — прикажите казнить негодяя! — хором прокричали собравшиеся вокруг механического сегуна куклы. — Никакой пощады тем, кто восстал против владыки времени!

Сегун склонил свою маленькую голову и прикрыл глаза. Можно было подумать, что он заснул, только вращающийся на его груди металлический диск выдавал пульсирующую внутри куклы жизнь.

— Мои советники не считают, что у тебя должна быть возможность искупить свои грехи, — после долгого молчания прогудел Мунэхару, — Они напоминают мне, что правитель должен быть твердым. Но я не только сегун, я также отец. Потому я имею право проявить милосердие. Тебе будет позволено совершить сэппуку до того, как закончится ртуть в твоих часах. Подайте изменнику мой меч!

— Господин изволил проявить милосердие! — вновь загудел хор голосов, сливаясь в унисон. — Ты недостойн его милости, но мы повинемся!

Двое слуг в ниспадающих черных одеждах поверх квадратных деревянных плечей вышли из толпы, неся меч в каштановых ножнах. Оружие механического сегуна было слишком длинным и вычурным, не предназначенным для настоящего боя. Ёдзи подумал, что его другу будет очень неудобно, наверняка придется держаться ладонью за лезвие, а не рукоять...

— Я благодарю тебя, отец, за эту милость, — Каору склонился так низко, что коснулся лбом пола. Слуги, до того державшие его, почтительно отступили.

Меченосцы приблизились к согнувшемуся в поклоне самураю и протянули ему оружие. Каору резко вскинул голову, его ладонь метнулась к рукояти меча, и в следующий момент лезвие сверкнуло, покидая ножны.

Юноше потребовалось всего несколько взмахов, чтобы поразить стоящих вокруг него слуг. Брызнула ртуть, сломанные тела повалились на пол.

— Убить его! — взвизгнул механический сегун.

Не дожидаясь исхода схватки, Ёдзи тотчас бросился к сердцу часов, гвардейцы погнались за ним, но было слишком поздно, мальчик схватил скользкую как змея трубку и изо всех сил рванул ее. Ртуть полилась ему на лицо, попала в рот, нос и глаза. Мальчик зажмурился и почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он взлетел, поплыл, оказавшись вне времени.

— Вы обещали мне вечную жизнь! — крик сегуна прорезал затянувшуюся зловещую тишину.

Ёдзи выпустил трубку и протер глаза. Когда он открыл их, то обнаружил, что зал кукольного дворца исчез, а он перенесся в покои князя Овари в замке Нагоя. Токугава Мунэхару, пока еще человек из плоти и крови, возлежал на груди подушек. Его обрюзгшее тело сильно потело, лицо покраснелось и покрылось испариной. Перед князем стояли даосы, гости из далекого заморского царства.

— Мы сдержали свое обещание, — терпеливо сказал даос. — Смерть — это метаморфоза, состояние энергии ци, при котором души хунь устремляются вверх, к небу, а души по — к земле...

Мунэхару взревел, приподнялся на своем ложе и швырнул в китайца своим веером.

— Я умираю! Слышишь, мне плохо, и я умираю!

— Ваше тело разрушается, — кивнул даос. — Оно не может вместить в себя больше воздушного элемента. Снадобье прочно привязало ваш дух в этом мире, и даже после смерти тела он не получит перерождения. В этом и состоит секрет бессмертия: правильно

балансировать на грани между вечностью и полным разрушением. Вы сами погубили себя, господин.

— Существует один... способ, — сказал второй маг, до того молчаливый. — Первые дни после смерти душа человека пребывает в блаженстве, но не покидает тела. После, в момент перехода, душа чувствует сильный страх и волнение, она хочет вернуться назад, в свою обитель плоти. Но физическая оболочка разрушена, надтреснута и не может принять душу. Если обмануть испуганный дух... предоставить ему иное тело, похожее на ваше, достаточно налитое воздушным элементом.

— Невозможно, — его коллега закатил глаза. — Князь слишком превысил дозу.

— Напитать тело воздушным элементом?.. — пробормотал князь. — Ртуть собирается на холодных предметах. Горшки, дерево и листья... дерево...

Он резко подался вперед, вздрогнул и радостно вскрикнул:

— Каракури!

Вспышка света уничтожила видение. Протяжный крик разнесся под каменным куполом забытой столицы. Механический сегун вытянул руки, подался вперед и лицом вниз повалился со своего насеста. Невидимые нити, связывавшие его с другими каракури, лопнули, огромный, сложнейший механизм игрушечного мира надорвался и остановился.

Одна за другой, куклы начали останавливаться и падать. Со звоном рвались и распрямлялись пружины, замирали диски-циферблаты. Освободившихся душ было настолько много, что Ёдзи даже смог увидеть их — мерцающим синим потоком они возносились вверх, чтобы найти щели в крыше дворца, а после — в каменном своде пещеры, вознестись и

раствориться среди звезд. Вскоре от кукольного сегуната остался один Каору. Стрелка на его груди указала на кролика.

— Он лгал тебе, — сказал Каору, — я никогда не хотел быть механическим сегуном.

— Мне все равно, — улыбнулся мальчик.

— Спасибо тебе! — произнес каракури и обнял друга.

— «Сполохом пламени к небу спешить — прошептал он, — выше, всё выше хочу птицей взмыть!»

Тело Каору отяжелело, его руки разжались. Ёдзи заплакал, забыв обо всем. О том, что он мужчина, что скоро станет самураем и не время проявлять слабость. Горячие слезы стекали по его щекам, а мир вокруг начал уменьшаться. Мальчик коснулся головой крыши дворца, сорвал ее и отбросил прочь, растущей ногой он проломил дамбу и выпустил бурлящую воду, руками рушил домики и стены проклятого города. Он разорял и уничтожал забытую столицу, пока совсем не обессилел. Ёдзи начал задыхаться, он прикрыл глаза, надеясь, что не закончит свою жизнь в глубине заброшенной шахты.

Когда Ёдзи проснулся, солнце уже заглядывало в окно его комнаты. Лихорадка ушла, его тело противно облепили холодные мокрые одеяла. мальчик перевернулся в поисках фигурки-каракури, но маленький Каору бесследно исчез...

***

...Неделю спустя Кацумото Ёдзи исполнилось двенадцать лет, пришел его черед доказать свою храбрость.

Место казни тонуло в глубоком, вязком белом тумане, похожем на скисшее молоко. Густая дымка стелилась над плацем, и насаженные на

пики головы точно парили, зависнув над землей. По краям посыпанной песком площадки, где исполнялись приговоры, росли древние, раскидистые ясени. Их ветви, еще не успевшие одеться первой весенней листвой, тихо и зловеще шептали на ветру.

«Мы были здесь, мы видели. Всех, кто стоял у наших корней. Всех, кто погиб у наших корней. Чья кровь пролилась здесь, впиталась в землю у наших корней. Мы были здесь».

Детям казалось, что из тумана под этот непрерывный шепот вырастают фигуры преступников. Мстительные души, обиженные на весь мир и алчущие теплой крови. Только Ёдзи бесстрашно направился к пикам. Он знал, что не делал зла казненным преступникам, а значит может не бояться их мести. Мальчик пересек закутанную в саван тумана площадку и остановился. Песок пропитался кровью, застывшие сухие глаза покойников были пустыми: в них не было ненависти, страха или укоризны. Ёдзи осмотрел все головы, но не смог среди них узнать отца — слишком много прошло времени. Дрожащими руками мальчик повязал на ближайшей пике красную ленточку.

Утром люди увидят, что Ёдзи исполнил ритуал и стал самураем. Мысль об этом больше не наполнила сердце мальчика радостью. Он вспомнил казнь отца. В тот день погода была ясной, а чистое небо пронзительно голубым. Мужчины в белых одеждах заняли свои места, как актеры на представлении в театре кабуки. Тишину нарушил шелест клинка о ножны. Секундант застыл над сидящим отцом и поднял меч, на лезвии которого искрились солнечные зайчики. Ёдзи тогда решил, что не видел в жизни ничего прекраснее. Лицо отца напряглось и покрылось испариной, он глубоко вздохнул и ударил себя в живот. Алая кровь брызнула на белоснежную одежду, на горячий песок. Белое и красное — священные цвета чистоты. Потом секундант нанес удар, его меч взметнулся и замер.

Движение было резким и четким. Острие еще несколько мгновений часто вибрировало в воздухе. Налетел ветер, и деревья закрипели, как шестеренки в старых часах.

— Мы тоже каракури, — прошептал Ёдзи, притронувшись к отрубленной голове, — заводные игрушки.

Примечания:

Эра Тэмпо — 1830—1844 год.

Каракури — механические игрушки, обычно куклы, приводимые в движение сложным заводным механизмом.

Сегун — военный правитель Японии, высший сановник феодальной Японии, который правил именем императора.

Сорок семь ронинов — герои японского сказания, которые отомстили за своего господина и совершили самоубийство, чтобы служить ему после смерти.